

0-775890

На правах рукописи

ЧЕРНЯВСКАЯ Надежда Владимировна

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ «СТАРИК И СТАРУХА»
В РУССКОЙ ПРОЗЕ XIX – XX ВВ.**

Специальность 10.01.01 – русская литература (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Владимир – 2009

**Работа выполнена на кафедре литературы
Владимирского государственного гуманитарного университета**

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор

Альми Инна Львовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор

Хализев Валентин Евгеньевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

кандидат филологических наук,
доцент

Солдаткина Янина Викторовна

Московский педагогический государственный университет

Ведущая организация:

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

Защита состоится 20 марта 2009 года в 15:00 часов

на заседании Диссертационного совета Д. 212.203.23

при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского
университета дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-
Маклая, 6.

Автореферат разослан 19 февраля 2009 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук,
доцент

.Е. Базанова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000546201

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Образ «старик и старуха» – заметное явление в художественной литературе различных стран и эпох. И.В. Гете, Э. Ионеско, К. Воннегут, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, И.С. Шмелев, А.П. Платонов – вот неполный перечень тех авторов, в чьих произведениях действуют эти персонажи.

Устойчивое и многоаспектное содержание, стоящее за этим образом, «узнаваемость» в различных контекстах и сила воздействия на читателя определяют его особое место в структуре художественного произведения. Он воспринимается в числе явных эстетических центров текста, при этом его суггестивный потенциал определяется в равной степени как творческим гением автора (и авторитетом литературной традиции, связанной с этим образом), так и предрасположенностью читателя к восприятию неких общечеловеческих представлений и эмоций, воплощенных в этом образе. Указанное обстоятельство делает возможным рассматривать данный образ как *архетипический*: в таком случае акцентируется как его распространенность, так и ценностный характер (понятие «архетип» изначально принадлежало области философии, с середины XX в. – психологии, обозначая в последней науке некие всечеловеческие предрасположенности к восприятию и оцениванию значимых фактов окружающего мира и внутреннего мира личности; в этом значении термин был введен в современную науку и детально разработан швейцарским ученым и философом К.Г. Юнгом).

Актуальность диссертационного исследования определяется безусловным интересом современного гуманитарного знания к универсальным, вневременным моментам человеческого существования и культуры (они рассматриваются как смысло- и формообразующее начало как мифологического, так и постмифологического искусства).

В связи с обозначенными тенденциями для гуманитарного знания современности характерно повышенное внимание к архаическим формам культуры (мифу, ритуалу, фольклору) – как к первым из известных воплощениям «опорных ценностей» (В.М. Маркович); а также к общечеловеческим представлениям, способам мысли и воображения («архетипам», в терминологии К.Г. Юнга), лежащим в основе любых форм культуры – и архаических, и современных. Концепция Юнга оказывается, таким образом, очень значимой: современная культурфилософия рассматривает его исследования (в том числе, и теорию архетипов) – наряду с философскими построениями О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Й. Хейзинга, М. Вебера – как основополагающие для самосознания культуры и искусства XX века.

При этом категорию архетипа в литературоведении, по-видимому, ожидает дальнейшее и подробнейшее осмысление, связанное с уточнением границ понятия, с предложениями различных вариантов классификаций архетипических структур (выявление и каталогизация архетипов чрезвычайно затруднены, в первую очередь, в силу их многочисленности и разнообразия), с определением и рассмотрением художественных приемов, выявляющих содержание архетипов в произведениях искусства и связывающих это содержание с художественным целым произведения.

Интерес к последнему из названных вопросов определяет характер реферируемой работы: она посвящена выявлению и описанию закономерностей функционирования архетипического образа в мире литературного произведения (для исследования взят образ «старик и старуха»). Таким образом, актуальность исследования связана как с историко-литературным, так и теоретическим аспектом темы:

историко-литературный аспект связан с выявлением составляющих универсально-постоянного значения архетипического образа и с комментированием преобладания тех или иных составляющих этого значения в текстах анализируемых произведений – в зависимости от требований литературной традиции и от художественных задач, поставленных автором;

в теоретическом аспекте интересным представляется исследование совокупности художественных приемов, актуализирующих содержание литературного архетипа «старик и старуха» в ряде прозаических произведений XIX – XX вв.

Степень разработанности проблемы. В последние десятилетия феномен архетипа привлекает к себе постоянное внимание исследователей. Бессознательные структуры, описанные Юнгом, получили дальнейшее теоретическое осмысление (относительно их влияния на культурную деятельность человека, способов их актуализации в произведениях искусства – в работах С.С. Аверинцева, М. Бодкин, Е.М. Мелетинского, Н. Фрая, М. Элиаде). Кроме того, создан целый ряд работ, посвященных исследованию долитературных форм культуры в их связи как с бессознательной творческой традицией, так и с литературным творчеством: работы М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, Ю.М. Лотмана, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, О.М. Фрейденберг.

Теоретической и методологической основой работы, таким образом, являются достижения сравнительно-исторического и структурно-типологического подходов. В работе осуществляется сопоставительное исследование прозаических произведений с привлечением широкого контекста творчества писателей XIX и XX веков.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями:

– выбором материала: исследуется архетипический образ «старик и старуха» на материале русской литературы XIX – XX в.;

– кругом поставленных задач: в диссертации решается ряд проблем теоретического и историко-литературного характера (определяются эмоционально-смысловые аспекты названного архетипического образа; выявляются приемы их художественного воплощения; рассматриваются формы его бытования в литературных произведениях; определяется соотношение художественного целого произведений и составляющих содержания литературного архетипа).

Объект исследования – проза XIX и XX веков («Старосветские помещики» Н.В. Гоголя, «Соборяне» Н.С. Лескова, «Новь» И.С. Тургенева, «Скука жизни» А.П. Чехова, «Солнце мертвых» И.С. Шмелева, «Ювенильное море» А.П. Платонова, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана, «Крест» В.Т. Шаламова, «Ракочный корпус» А.И. Солженицына, «Пастух и пастушка» В.П. Астафьева, «Исчезновение» Ю.В. Трифонова, «Пик удачи» Ю.М. Лотмана, «Счастливые» Л.Е. Улицкой);

предмет – эмоционально-смысловые аспекты архетипа «старик и старуха» в рецепции и творческой интерпретации прозаиков XIX и XX столетий.

Целью исследования является анализ конкретных воплощений архетипа «старик и старуха» в образах прозаических произведений XIX и XX столетий.

Цель определяет задачи работы:

1. Рассмотреть характеристики архетипа как такового. Определить эмоционально-смысловые аспекты архетипа «старик и старуха» в мифологическую и постмифологическую эпоху.

2. Рассмотреть приемы художественного воплощения архетипа «старик и старуха» в прозе XIX и XX веков.

3. Исследовать причины обращения к отдельным эмоционально-смысловым аспектам архетипа «старик и старуха» в прозе XIX и XX веков. Рассмотреть художественные приемы, посредством которых актуализируются составляющие содержания литературного архетипа и через них – содержание художественного целого произведения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Литературный образ «старик и старуха» имеет архетипический характер – на что указывает распространенность этого образа в мифологии, фольклоре и обрядовой культуре, а также в художественной литературе различных народов. При этом возможно говорить об изменении значения этого образа от мифологической к постмифологической эпохе: первоначальная мифологическая роль предков и культурных героев, творящих и обустроивающих мир, покровительствующих человечеству, уступает место другому облику персонажей; с течением времени они осознаются как земные старики-супруги, нежно привязанные друг к другу и счастливые этой привязанностью.

2. В русской художественной литературе архетипический образ «старик и старуха» отличается сложным содержанием, определяемым одновременно как постмифологическим, так и мифологическим обликом героев и включающим в себя следующие эмоционально-смысловые аспекты: *идиллическое, элегическое, драматическое, возвышенное.*

3. Содержание литературного архетипа «старик и старуха» воплощается в тексте художественного произведения посредством ряда устойчивых композиционных приемов и мотивов. Отступление от традиционного облика архетипического образа (а именно изменение постоянных мотивов, сопровождающих образ; изменение сюжета, в рамках которого он реализуется) является очень выразительным художественным приемом, привлекающим внимание к явлениям и проблемам, находящимся в центре внимания автора и ставшим причиной этих значимых изменений.

4. В мире литературного произведения архетипический образ может находиться в различных соотношениях с художественным целым; относительно архетипического образа «старик и старуха» можно – за небольшими исключениями – выявить следующую закономерность: случаи, когда содержание данного архетипа определяет облик произведения, немногочисленны и относятся к XIX в.; случаи преимущественно самоценного характера образа в составе литературного произведения а также случаи выполнения им специальной художественной нагрузки более многочисленны (особенно последний из отмеченных) и относятся к

концу XIX и XX в., что позволяет говорить об особой художественной истории архетипа «старик и старуха» в отечественной литературе. Середину XIX в. можно рассматривать как эпоху литературного освоения архетипа, авторы конца XIX и XX в. встраивают уже освоенный образ в художественную систему, используя его как чрезвычайно выразительный художественный прием, иллюстрирующий их размышления.

5. Случаи специальной художественной нагрузки архетипического образа «старик и старуха» в прозаических произведениях отечественной литературы можно разделить на следующие тематические группы:

- сюжет архетипических супругов может включаться в произведение, посвященное значимым историческим событиям, с целью подчеркнуть их светлый, гуманистический характер;

- архетипические супруги могут быть включены в число персонажей в произведениях, посвященных разрушительным историческим событиям (для русской прозы XX в. такими событиями являются гражданская и Вторая мировая войны, политический террор середины века); трагическая судьба героев (их страдания, разлуки, гибель) подчеркивает гибельный характер названных моментов истории;

- образ «старик и старуха» может быть включен в число персонажей произведений, говорящих о вечных проблемах и закономерностях человеческого бытия; трагическая история супругов (их гибель, разобщенность) призваны подчеркнуть неизбежный и глубоко драматический характер изображаемых коллизий.

Последние два из указанных случаев являются преобладающими и чрезвычайно распространенными в отечественной литературе – что может быть рассмотрено как свидетельство возникновения нового, катастрофического мироощущения русской культуры: осознания хрупкости, неустойчивости всех основ бытия – жизни, красоты, добра, того круга ценностей, который в предыдущие культурно-исторические эпохи представлялся незыблительным.

Практическая значимость результатов исследования: результаты исследования могут использоваться в лекционно-практических курсах по истории русской литературы XIX и XX веков, спецкурсах и семинарах.

Апробация работы: результаты исследования были представлены в виде докладов на конференциях «Грехневские чтения» (Н.Новгород), «Художественный текст и культура» (Владимир), «Щельковские чтения» (Кострома). По теме диссертации опубликованы четыре статьи. Некоторые результаты исследования были использованы автором диссертации в ходе практических занятий по предметам «История отечественной литературы», «Актуальные проблемы современной литературы» (ВлГУ, 2005 – 2008).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении очерчивается круг проблем, рассматриваемых в диссертации, определяются актуальность и новизна темы, кратко характеризуется степень ее изученности, а также формулируются решаемые в работе задачи.

Первая глава – «Понятие “архетип” как инструмент эстетического исследования. Архетипический характер образа “старик и старуха”» – состоит из двух разделов.

В первом разделе – «Термин “архетип” в философии К.Г. Юнга и современной эстетике» – рассматривается объем понятия и его характеристики в рамках концепции К.Г. Юнга, а также устанавливается соотношение между содержанием данной категории в юнговской философии – с одной стороны – и в науках эстетического цикла (в частности, в литературоведении) – с другой.

В философской системе Юнга термином «архетип» обозначаются, во-первых, *структурные единицы бессознательного*: присущие человеку как биологическому виду определенные способы первичного видения и интерпретации действительности. Во-вторых, этот же термин используется для обозначения особенностей *бытования* архетипических структур в бессознательном: по мысли Юнга, до перехода на уровень осознаваемого они существуют в зашифрованном виде – как некие образы, фигуры, символически воплощающие общечеловеческий смысл. Поскольку эти фигуры также принадлежат бессознательному, они не имеют каких-то конкретных, подвластных осознанию форм: зрительно воспринимаемого облика, словесного оформления и т.п. Это в высшей степени абстрактные, «пустые», по выражению Юнга, феномены; не сами образы как таковые – но предпосылки к ним, «возможности представления», «схемы мысли» / «схемы образов».

В литературоведении – поскольку оно имеет дело не с психическими феноменами, а с фактами художественного творчества – термином «архетип» обозначаются всечеловеческие по масштабу и распространенности смысловые элементы произведения, символически воплощенные в его образах, сюжетных линиях, мотивах, художественных деталях (данное рабочее определение сформулировано как обобщение основных положений работ Юнга по эстетике, а также различных трактовок категории «архетип», приведенных в справочной литературе, и результатов анализа архетипической составляющей произведения, предпринятых исследователями мифологии, фольклора и художественной литературы).

С опорой на юнговские характеристики архетипов (в значении: бессознательных структур) и практику анализа архетипической составляющей художественного текста в работе обозначены некоторые отличительные черты архетипов как элементов произведений искусства:

– природа архетипов (элементов бессознательного) – быть предпосылкой для переживания человеком основополагающих моментов его жизни – определяет «нуминозный» (К.Г. Юнг), т.е. завораживающий их характер: они переживаются личностью как откровение. Отмеченная особенность придает особое значение литературным архетипам: включает их в число эмоциональных и смысловых центров текста;

– изначальная, по Юнгу, «пустота» архетипических структур (незаполненность их конкретным жизненным опытом, позитивным либо негативным содержанием) формирует широчайшие возможности для интерпретации литературных архетипов – как на читательском, так и на авторском уровне. Каждый из архетипов отличается многоаспектным содержанием – отдельные составляющие его актуализируются в соответствии с потребностями и склонностями читателя / художника.

Второй раздел первой главы – «Образ “старик и старуха” как образ-архетип. Мифологические истоки образа» призван доказать архетипический характер исследуемых персонажей, определить долитературное значение исследуемого образа и возможные направления его динамики, а также установить архаическую традицию, наиболее значимую для отечественной литературы.

В работах Юнга названо несколько моментов, указывающих на архетипический характер как бессознательной структуры, так и ее воплощений в произведениях искусства: она должна быть очень распространенной и по возможности рано отразиться в культурной деятельности человека (идеальный случай – в мифологии и фольклоре).

Образ «старик и старуха (пожилые супруги)», в таком случае, вполне может быть рассмотрен как образ-архетип; его отличает длительная долитературная история. На стадии ранней мифологии, в космогонических и этиологических мифах, стареющая супружеская пара – как правило, устроители мира, а также первопродки и (или) культурные герои. Постоянными для этого образа являются мотивы старости (как приобщенности к мировой мудрости, к абсолютному знанию) и священного брака (данный мотив одновременно указывает и на уникальность героев среди мира обычного, их соприродность друг другу, и на близость их миру людей, человеческим переживаниям и ценностям: таковы, например, мифы о Пху Нго и Не Нгам (мифология лао, лы); Есе и Хосэдем (кетская мифология), о Сонане и Ёндын (в корейской мифологии), Асинадзути и Тэнадзути (японская мифология) и др.). На более поздних этапах мифологии и фольклора старики-супруги мыслятся как воплощение взаимной любви и привязанности, как символ чуда, осеняющего счастливые браки. Таков облик стариков – супругов в античном мифе о Филемоне и Бавкиде, в ветхозаветных преданиях об Аврааме и Сарре, Иоакиме и Анне, в сказочном фольклоре различных народов (например, традиционный зачин *жили-были старик со старухой* представляет собой краткую характеристику тихой обывденной жизни, нарушаемой волшебным сказочным случаем); в народных анекдотах и сатирических сказках нередко пародируется круг ценностей и этических норм, воплощенных в этом образе (что тем более доказывает его архетипический характер). Для литературной эпохи более значимым оказывается именно это содержание рассматриваемого образа (что, в частности, доказывается тем фактом, что в произведениях и зарубежной и русской литературы персонажи-старики часто соотносятся с героями «Метаморфоз» Овидия, Филемоном и Бавкидой); при этом архаические составляющие значения этого образа также в отдельных случаях присутствуют в облике литературных персонажей-старцев.

Вторая глава – «*Содержательные и композиционно-художественные особенности архетипического образа “старик и старуха”*» – состоящая из двух разделов, носит описательный характер: в ней перечисляются содержательные

аспекты, в целом характерные для этого образа, а также художественные приемы, направленные на их актуализацию.

В первом разделе – «Эмоционально-смысловые аспекты образа “старик и старуха”» – обозначаются и характеризуются составляющие содержания исследуемого литературного архетипа:

– *идиллическое начало*: в рассматриваемых произведениях оно связано, во-первых, с особым изображением любовного чувства: искреннего и взаимного, а также с особым отношением героев к окружающему миру: спокойным (иногда даже радостным) его приятием. Оговоримся, впрочем, что приятие мира сочетается у персонажей-старцев с известной отрешенностью от него: наиболее значимым для них оказывается любимый – взаимно – человек.

– *элегическое начало*, тона мягкой светлой печали: каждая из книг говорит о неперемнной смерти стариков-супругов, и элегическое начало здесь определяет особую манеру изложения событий, особый стиль, при котором традиционно сдержанное повествование иногда перебивается авторским плачем по исчезнувшей красоте и счастью.

– *драматическое начало* (в понимании этой категории мы опираемся на следующее высказывание В.Ф. Ходасевича: «...драма ужаснее трагедии, потому что застывает на ужасе»). Драматическое связано с идеей присутствия в жизни человека, общества, мира в целом противоречий, конфликтов особого рода – неизбежных и неразрешимых; противоречия эти всякий раз затрагивают какие-то фундаментальные стороны бытия и – в силу своей принципиальной неисчерпаемости – обнажают его извечную дисгармоничность). В рассматриваемых произведениях драматическое начало связано с целым рядом моментов. Характер развития действия во всех книгах таков, что читатель закономерно приходит к осознанию единственности случая счастья в момент, изображенный в произведении. Кроме того, все тексты в равной степени оставляют необъяснимое ощущение невозможности повторения этого случая счастья во все будущие времена. Соответственно, в данных книгах вырисовывается безмерно печальный облик всех человеческих судеб и бытия в целом. Счастье – самое бесхитростное, связанное, на первый взгляд, с очень простой, естественной, всем известной системой ценностей – оказывается возможным только как исключение. И что, пожалуй, самое страшное: его редкое присутствие в этом мире (в облике стариков-супругов) ничего миру не дает: люди не в состоянии осознать случившееся рядом с ними чудо, и смерть гармоничных людей не оборачивается для окружающих ни постижением собственной их недостаточности, ущербности, ни рождением у них идеала, мечты о гармонии. Добавим еще, что со смертью единственных гармоничных персонажей нарушается целостность, благополучие мира: в нем становится видной пустота, не заметная ранее. В произведении возникают и оказываются доминирующими мотивы пустынности, заброшенности, сиротства: мир делает еще один шаг по направлению к хаосу.

– *возвышенное* (здесь мы позволили себе несколько расширить понимание данной категории по сравнению с эстетикой Канта и Шиллера. Наиболее важным в определении возвышенного, как нам кажется, является отмеченное Кантом *воздействие*, оказываемое этим началом на человека («они <природные стихии> возвышают наши душевные силы над их обычным средним уровнем»). При таком

понимании категории возвышенного – в творческом мире Канта и Шиллера соотносимой только с миром природы и героическим началом в человеческой жизни – можно дополнить за счет целого ряда качеств, соприкосновение с которыми также вызывает душевное потрясение и восхищение: таковы, например, способность к самопожертвованию и прощению, мудрость и т.д.) В интересующих нас произведениях в этой тональности может быть рассмотрен особый образ жизни архетипических персонажей и проистекающая отсюда их роль в художественном мире произведений.

В мифах различных народов есть персонажи, непрерывно осуществляющие какие-либо внешне малозначительные, но при этом важнейшие для мира действия (так, прядут и обрезают нити жизни мойры и парки в античной мифологии). Можно сказать, что данные мифологические сюжеты призваны создать впечатление непрерывности и одухотворенности бытия; их герои своими действиями сообщают жизни упорядоченность и осмысленность, поддерживают ее в ее первоначальных прекрасных границах эпохи создания мира. В отдельных случаях действия такого рода выполняют и божественные супруги-первопредки; соответственно, если при разговоре об образе старика и старухи иметь в виду те функции, которыми они были наделены в ряде мифологий, то в этом контексте постоянно совершаемые литературными персонажами-супругами одни и те же поступки также наполняются глубинным, почти сакральным смыслом и приобретают характер уже названного ритуального действия: поддержания жизни. Сами интересующие нас герои при таком подходе как бы заново приобретают утраченный ими с течением времени статус – хранителей покоя и прочности жизни; отмеченные выше мотивы – наступающей с их гибелью дисгармоничности мира – (также, как и мотивы удивительной чуткости, пронизательности и мудрости стариков-супругов, их явного несходства с остальными персонажами) поддерживают выдвинутую гипотезу.

Во втором разделе второй главы – «Архетипический образ “старик и старуха”: проблемы хронотопа» – рассматриваются особенности временной и пространственной организации текстов, воплощающих исследуемый литературный архетип, прослеживается связь этих приемов с различными эмоционально-смысловыми аспектами архетипа. В самом общем виде можно сказать, что все моменты, составляющие хронотоп произведений, подчинены общей цели: выявить и подчеркнуть уникальность интересующих художника героев и их образа жизни, т.е. акцентировать внимание читателя на драматическом и возвышенном аспектах произведения, менее, на первый взгляд, заметных (по сравнению с идиллической традицией).

Первая особенность времени-пространства анализируемых произведений внешне близка одной из выявленных М.М. Бахтиным черт идиллии: *«прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту»*: как правило, вся жизнь архетипических супругов проходит в рамках их дома, поместья, усадьбы.

В отличие от идиллии – где мотив связи события и места является способом указать на глубокую органичность (для всего мира в целом) и привлекательность воспроизведенного художником образа жизни – повествование об архетипических супругах лишено указанного всечеловеческого масштаба. Поэтому пространство, в рамках которого протекает их жизнь, подчеркнуто мало. Названная черта связана с

особой художественной задачей произведений: все они намеренно не создают целостного, универсального облика жизни (или, по крайней мере, одной из её самых известных и привлекательных сторон), – речь всегда идет об исключительном явлении.

Очевидно, для поддержки этого содержания в связи с названной особенностью хронотопа возникает и еще один мотив: закрытости, непроницаемости пространства архетипических супругов для всего остального мира. Как знак этой закрытости выступает также и следующий мотив: пространство архетипических супругов столь же неординарно, сколь и они сами; во всех текстах, где есть описание жилья героев, неизменно подчеркивается его необычность и даже странность, акцентируются его явные отличия (как правило, в высокую, *поэтическую* сторону) от окружающего *обычного* мира. В связи с этим можно сделать вывод, что рассматриваемая черта хронотопа (прикрепленность событий, жизни к месту) имеет целью подчеркнуть именно обособленность архетипической пары среди обычного. Сверхлокальность их жизни, в таком случае, – есть своего рода символ их исключительности. Отмеченная особенность времени-пространства поддерживает и характерный для большинства рассматриваемых книг мотив *несходства старцев-супругов и всех прочих действующих лиц*. Интересующие нас персонажи не включены ни в какую человеческую общность: из-за отсутствия родственных связей и, главным образом, из-за нетипичного образа жизни; в рамках каждой художественной системы они не образуют традиции. Таким образом, названная черта хронотопа, а также мотивы, проистекающие из нее, определяют собой, в первую очередь, драматический аспект произведений.

Следующая черта хронотопа также внешне близка идиллической примете: «ограниченность её (идиллии) только основными немногочисленными реальностями жизни» (М.М. Бахтин): повествование об архетипических супругах протекает в тех же тематических границах, что и идиллия: любовь, еда, старость, смерть...

Но в этом отношении между идиллией и данными произведениями существует принципиальная разница. Идиллия бессобытийна, и реалии быта могут укрупняться в ней до размеров события. Этот жанр формирует особое отношение к повседневности: возводит всякий ее момент в ранг исключительного и прекрасного.

В интересующих нас произведениях подобное «дораствание до события» не столь акцентировано: они в большей степени бессобытийны. В них настойчиво подчеркивается не только привлекательность реалий быта, но и *ежедневная повторяемость* всего ряда бытовых действий: существование героев, таким образом, плавно перетекает от одной частности к другой, третьей и т.д.; ни одна из них не является более или менее важной, чем другие. Все реалии быта подаются, таким образом, как бы в двойном освещении: как идиллически-чудесные (и потому уникальные) – и как ежедневно происходящие (в результате этого бесконечного повторения они на время как бы теряют не только ореол поэтичности, но и статус самостоятельных, отдельных друг от друга моментов). Столь необычный способ изображения быта призван, как нам кажется, выявить всё прекрасное и возвышенное в облике и образе жизни супругов. Тот пласт текста, где моменты быта уникальны и поэтичны, отсылает читателя к мифологическому прошлому

героев: тогда, как было отмечено выше, их действия (нередко малозначительные и обыденные) поддерживали мир в состоянии гармонического равновесия. Те же самые моменты быта, – но взятые не сами по себе, а в последовательности, в неразрывности друг с другом, и утрачивающие в таком случае характер самоденных явлений, – приобретают иной статус: атрибутов, постоянных признаков жизни; фона, на котором осуществляется нечто, гораздо более важное и сложное, чем видимость. Обыденность – по контрасту – также подчеркивает возвышенное в образах старика и старухи: красоту и силу любовного чувства героев, отличающий их дар сострадания, проницательность и т.д.

Последняя особенность хронотопа анализируемых произведений – *двойная система временных координат*: повествование об архетипических супругах может быть рассмотрено одновременно и как *относящееся к прошлому*, и как *находящееся вне временных границ*.

Если учесть отмеченную выше постоянную повторяемость одних и тех же бытовых моментов, а также принципиальное отсутствие каких-либо крупных событий, то можно сказать, что жизнь героев движется по кругу. Факты, образующие этот временной круг, не имеют масштабности, общечеловеческого значения (он образуется моментами одного обычного дня обычных людей), поэтому речь идет не о циклической организации времени, а именно об *исчезновении* жизненных вех. Время перестает ощущаться как динамичная живая стихия; можно сказать, что данная категория здесь отсутствует.

Вневременной характер жизни супругов-старцев отсылает читателя к целому ряду особенностей, отличающих этот образ: он указывает на принципиальную внутреннюю нединамичность персонажей, отсутствие психологизма в их изображении, отсутствие у героев прошлого, биографии.

В то же время в тексте произведений в той или иной форме обязательно присутствует упоминание о смерти героев, а мотив бездетности супругов делает их именно персонажами ушедшего времени: с их смертью от них не останется ничего. На уровне художественного целого эти мотивы приобретают явный символический смысл: отсутствия традиции, отсутствия будущего у идеальных героев.

Третья глава – «Литературный архетип “старик и старуха” в художественном мире произведения» – посвящена анализу взаимодействия содержания архетипического образа (в конкретных произведениях, как правило, представленного в отдельных эмоционально-смысловых аспектах) с художественным целым произведения. Данная глава делится на разделы – по *общности вариантов художественной нагрузки*, выполняемой архетипическим образом в составе литературного произведения; внутри разделов соблюдается – с небольшими отступлениями – *хронологический принцип* изложения материала.

Первый раздел – «Архетипический образ как источник художественного целого произведения» – посвящен единственному в отечественной литературе случаю: эмоционально-смысловые аспекты архетипа, а также его разнообразные – логические и ассоциативные – связи с рядом других архетипических содержаний формируют облик художественного произведения («Старосветские помещики» Н.В. Гоголя).

Фундаментальные моменты человеческой жизни не существуют изолированно: они переплетаются друг с другом; каждое значимое событие самим

человеком неминуемо ставится в связь с другими. Можно предположить поэтому, что переживание архетипического содержания не обязательно имеет самодовлеющий характер: сознательными или же, наоборот, внелогичными, потаенными путями оно может выводить человека на другие, особо значимые для него – в силу индивидуальных особенностей его «я» – смыслы. Повесть «Старосветские помещики» в полной мере демонстрирует этот особый потенциал архетипических образов: завораживая человека, являясь для него несомненным предметом интереса, в то же время выводит на раздумья о других, столь же значимых для человека темах. Без сомнения, повесть, в первую очередь, создавалась как литературное воплощение архетипического образа пожилых любящих супругов (с опорой на античный образец); эта задача определила интерес писателя к ряду моментов, связанных с содержанием архетипа: природа человеческой привязанности; иррациональное, но безусловное отличие счастливых во взаимной любви людей – от окружающих. Авторские монологи, воспевающие «привычку» Афанасия Ивановича, эпизоды противопоставления героев повести людям «страсти, желаний и беспокойных порождений злого духа» (Н.В. Гоголь), являются отражениями этих размышлений. Кроме того, воплощение в художественном произведении образа счастливых и кротких людей привело Гоголя к размышлению над постоянным и самым страшным для него вопросом: о природе смерти. Нарушение античной традиции изображения стариков-супругов (существенное отдаление эпизодов их гибели во времени, подробное описание их душевного состояния – в отступление от принципа антипсихологизма – после смерти любимого человека и перед их собственной смертью) объясняются именно смещением интересов автора.

Второй раздел – «Архетипический образ как часть художественного целого произведения» – рассматривает случаи преимущественной подчиненности литературного архетипа авторскому замыслу.

Первая часть второго раздела рассматривает книги, посвященные преимущественно вечным коллизиям человеческого бытия: инертности человеческой массы, ее традиционной закрытости для высокого, героического («Соборяне» Н.С. Лескова), чуждости для человека понятия собственной конечности, трагического несовпадения всякого жизненного опыта с моментом смерти («Скука жизни» А.П. Чехова). Особый характер названных ситуаций – их неизбежность и, вместе с тем, особая болезненность размышлений над ними для всякого человека – выражаются, в том числе, в необычной интерпретации облика и истории главных героев – архетипических супругов. В названных книгах подчеркнуто нарушается главный принцип изображения этих персонажей: отсутствуют мотивы их взаимодостаточности и безусловного душевного благополучия. Осознавшие глубокий трагизм коллизий, герои вынуждены переживать их и пытаться противостоять им в одиночку: это тяжелейшая духовная работа, непосильная для многих. Так, в «Соборянах» Лескова «всемерно одинок» главный герой, протопоп Савелий Туберозов: любящая его и любимая им протопопица Наталья Николаевна (эти мотивы неоднократно подчеркнуты автором – что и дает основания рассматривать героев именно как архетип) по складу характера, по кругу интересов – вне сферы тревог и забот мужа (в хронике Лескова есть и еще одно отступление от традиционного способа изображения стариков-

супругов, сходное с описанным в предыдущей части раздела: смерть героев – тяжелая и, что особенно страшно для персонажей этого типа, одновременная – спровоцирована, что выявляет разрушительный потенциал тех сил, против которых восстает о. Савелий). Другая возможная причина одиночества героев: переживание трагических закономерностей бытия оказывается настолько страшным, что разъединяет людей: так, в рассказе Чехова при множестве обстоятельств, благоприятных для возникновения традиционного архетипического союза (бывшие супруги встречаются глубокими стариками после смерти единственной дочери, нуждаясь в утешении и поддержке, в слушателе воспоминаний об умершем ребенке, в предмете заботы), этот союз не образуется. Каждый из героев существует, в первую очередь сам по себе – с собственным страхом, с неприятием неизбежной смерти – и общие воспоминания, а также потребность друг в друге не способны преодолеть этой разобщенности.

Вторая часть второго раздела посвящена книгам о гражданской войне, политическом терроре 1-ой половины XX в., о событиях Второй мировой войны («Солнце мертвых» И.С. Шмелева, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана, «Крест» В.Т. Шаламова, «Раковый корпус» А.И. Соженицына, «Пастух и пастушка» В.П. Астафьева, «Исчезновение» Ю.В. Трифонова). Персонаж «старик и старуха» во всех названных книгах призван подчеркнуть гибельный характер изображаемых событий – поэтому в образе акцентируется драматическое начало: в названных произведениях образ обретает новый (по сравнению с литературной традицией XIX в.) вариант сюжета, прекрасные герои безмерно страдают и гибнут под давлением обстоятельств эпохи. Драматическое начало в данном случае особенно сильно из-за неперемного сопоставления судьбы старика и старухи, персонажей рассматриваемых произведений, – с изначальным, счастливым «вариантом» этого архетипа. В книгах возникает, таким образом, страшный, вопиющий по бесчеловечности парадокс: страдают герои, предназначенные для счастья, гибнут от насилия персонажи, для которых, казалось бы, предопределена естественная и благодатная кончина. Помимо указанной смысловой нагрузки, данный сюжет архетипа может быть рассмотрен как свидетельство возникновения нового, катастрофического мироощущения русской литературы (появившегося как результат войн и репрессий): осознания хрупкости, неустойчивости всех основ бытия – жизни, красоты, добра. Сколь бы прекрасны и дороги ни были людям эти ценности, в мире всегда есть силы (и что хуже всего, силы эти формируются самими людьми), которые враждебны всему позитивному и которым невозможно противостоять.

Во вторую часть второго раздела входит также анализ единственного в литературе XX в. случая, когда архетипический образ «старик и старуха» призван указать на светлый характер изображаемой эпохи, подчеркнуть ее гуманистический потенциал: речь идет о повести «Ювенильное море» А.П. Платонова, посвященной послереволюционным годам. В финальном эпизоде повести возникает архетипическая супружеская пара, объединяющая двух очень сложных по художественной нагрузке героев (старушка Федератовна и старик Умрищев в одном из своих значений – идеологические противники: Федератовна – сторонник прогресса, Умрищев – оппортунист; кроме того, взятые вне этого противопоставления, персонажи также очень сложны и исполнены драматизма:

Федератовна – вдохновенный и неоднозначный в мировоззрении и поступках строитель новой жизни, Умрищев – маленький человек эпохи великого строительства). Объединение их в супружескую пару нейтрализует указанные противоречия и драматизм – придавая всему финалу оптимистическое звучание.

Третий раздел – «Архетипический образ как самостоятельная эстетическая единица в составе художественного целого» – рассматривает случаи отступления смысловой нагрузки архетипического образа в составе произведения – перед его суггестивным потенциалом. Такие персонажи, как супруги Субочевы в романе «Новь» Тургенева, супруги Молочковы в романе «Обрыв» Гончарова, чета Гомбургов в сказке «Пик удачи» Нагибина, старики Рабиновичи в рассказе Улицкой «Счастливые» воспринимаются не столько как часть художественного целого (при вполне прозрачной художественной нагрузке), сколько как самоценный художественный образ, в полной мере демонстрируя «нуминозный» характер архетипов, отмеченный Юнгом.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и делаются выводы.

Литературный архетипический образ – благодаря особой природе человеческого сознания и бессознательного начала – отличается эмоциональной и смысловой многоаспектностью. Его содержание воплощено в литературном произведении посредством устойчивых мотивов, элементов сюжета и композиционных приемов. Эмоциональная и смысловая насыщенность литературного архетипического образа позволяет рассматривать его в числе эстетических центров произведения. По этой причине отступления от традиционного облика архетипического образа (а именно изменение постоянных мотивов, сопровождающих образ, изменение сюжета, в рамках которого он реализуется) является очень выразительным художественным средством, привлекающим внимание к явлениям и проблемам, находящимся в центре внимания автора и ставшим причиной этих значимых изменений.

Относительно специфики архетипического образа «старик и старуха» в отечественной литературе (в прозе) можно сделать следующие выводы: сравнительно рано появившийся в русской культуре (сказки, «Повесть о Петре и Февронии Муромских»), образ долгое время не был востребован художественной литературой. В XIX в. (в повести Гоголя «Старосветские помещики», романе Тургенева «Новь») происходит литературное освоение этого образа – с опорой на античный образец (Филемон и Бавкида в «Метаморфозах» Овидия) – на это указывает сходное с античным обилие бытовых деталей, привлеченных к созданию образа, следование традиционному сюжету (одновременной смерти) в изображении судьбы героев («Новь» Тургенева). Одновременно в литературе XIX в. намечается особая тенденция в интерпретации этого образа, определившая характер его последующей литературной судьбы: в сложном по эмоциональному и смысловому содержанию архетипе оказывается особо востребовано драматическое начало – что делает литературный архетип «старик и старуха» не только самоценным образом, но и художественным приемом, выявляющим предельную драматичность тех событий и закономерностей человеческой жизни, о которых размышляет автор. Для достижения указанного художественного эффекта из художественных средств, образующих архетипический литературный образ, исключаются описательные

элементы (бытовые детали, речевые и портретные характеристики, изображение характера чувств героев друг к другу), вследствие чего образ занимает все меньшее художественное пространство в тексте произведения. Описанный художественный прием особенно характерен для произведений XX в. (исключением являются только рассказ В. Шаламова «Крест» и отрывок, посвященный супругам Кадминым в романе «Раковый корпус» Солженицына), что свидетельствует, во-первых, об абсолютной узнаваемости образа, его включенности в культурный фонд отечественной литературы, а во-вторых, о преимущественно вспомогательной роли образа в составе художественного произведения. Параллельным отмеченному приемом является изменение традиционных для данного образа мотива взаимодостаточности и сюжета одновременной смерти: старики-супруги разлучаются – на душевном либо физическом уровне – вследствие вмешательства в их судьбу смертоносных сил исторических эпох или же глубоко трагических законов человеческого бытия. Устойчивость драматического значения у рассматриваемого образа в литературе XX в. может быть рассмотрена как свидетельство возникновения нового, катастрофичного мироощущения русской культуры: осознания хрупкости, неустойчивости всех основ бытия: жизни, красоты, добра – того круга ценностей, который в предыдущие культурно-исторические эпохи представлялся незыблемым. Тем не менее, само обращение к указанному архетипу – пусть даже мимолетное (как в сравнительно недавнем рассказе Л.Е. Улицкой), – свидетельствует о том, что образ сохраняет сконцентрированный в нем позитив.

Список литературы, насчитывающий 222 пункта, включает в себя источники, учтенные и изученные в диссертации, а также критическую и научную литературу.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Архетип «старик и старуха» в русской и зарубежной литературе. Проблемы хронотопа // *Inter – Cultural – Net: Международный (электронный) научно-практический журнал*. Вып. 6. Владимир: ВФ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. – С. 33-40.
2. Жанр исторической хроники в творчестве Н.С. Лескова и А.Н. Островского // *Щелыковские чтения 2003: А.Н. Островский в современном мире. Сборник статей / Науч. ред. И.А. Едошина*. – Кострома, 2004. – С.193-204.
3. Архетип // *Особенности интерпретации. Материалы к словарю литературных терминов*. – Коломна. (находится в печати).

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК

Эмоционально-смысловые аспекты литературного архетипа «старик и старуха» в русской прозе XIX-XX вв. / *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. – 2007. – № 3. – С.177-184.

Чернявская Н.В. (Россия)

Архетипический образ «старик и старуха» в русской прозе XIX-XX вв.

Диссертационное исследование посвящено выявлению и описанию закономерностей функционирования архетипического образа в мире литературного произведения (для исследования взят образ «старик и старуха»). В работе определяются эмоционально-смысловые аспекты названного архетипического образа; выявляются приемы их художественного воплощения а также рассматриваются формы бытования образа в литературных произведениях и определяется соотношение художественного целого произведений и составляющих содержания литературного архетипа.

Chernyavskaya N.V. (Russia)

Archetypal character of «old man and old woman» in Russian prose of the nineteenth-twentieth century.

Dissertational research devoted to uncovering and describing of functioning rules of archetypal character in the world of writing (for the study has been taken the character «old man and old woman»).

The research defines the emotional and semantic meanings of the above mentioned archetypal character, reveals ways of their artistic personification and also examines forms of character's existence in literary works and determines correlation of the whole of works and the content of literary archetype.

Подписано в печать 28.01.09.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 0,93. Тираж 100 экз.
Заказ *14-2009 г.*
Издательство
Владимирского государственного университета
600000, Владимир, ул. Горького, 87.

